

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 278

31 октября 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 июня 2024 года № ... (вх. ... от 08.07.2024) в отношении адвоката З. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 07 августа 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката З. по обращению судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 июня 2024 года № ... (вх. № ... от 08.07.2024), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат З., извещенный надлежащим образом и своевременно получивший заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, заявил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором согласился с выводами Комиссии (вх. № ... от 28.10.2024). Совет, принимая во внимание изложенные обстоятельства, с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие неявившихся участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией и соглашается с ее выводами.

Заявителем против адвоката З. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он отказался поддержать апелляционную жалобу адвоката К. на приговор ... районного суда города Москвы от 27 февраля 2023 года в отношении М., ссылаясь на то, что ему неизвестна позиция самого осужденного, который в судебное заседание не явился. Таким образом, адвокат З., по мнению заявителя, не исполнил своих профессиональных обязанностей по защите М., фактически самоустранившись от защиты осужденного и лишив его права на защиту, а также сорвал рассмотрение указанного дела в суде апелляционной инстанции.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

Защитником М. по соглашению – адвокатом К. 20 марта 2023 года в апелляционном порядке обжалован приговор ... районного суда города Москвы от 27 февраля 2023 года, которым М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 год условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев. Соглашение на защиту М. в суде апелляционной инстанции не заключалось.

В целях обеспечения права осужденного М. на защиту по заявке судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда в АИС АПМ от 24 мая 2024 года № ... его защитником назначен адвокат З., который вступил в уголовное дело 06 июня 2024 года, представив ордер от 06 июня 2024 года № ..., и ознакомился с его материалами.

13 июня 2024 года в судебное заседание осужденный М. не явился, а явившийся в него адвокат З. жалобу адвоката К. не поддержал, мотивировав это тем, что ему неизвестна позиция осужденного М. При рассмотрении этого уголовного дела в суде первой инстанции адвокат З. не участвовал. Несмотря на то, что М. в ходе судебного разбирательства не признавал своей вины, а в апелляционной жалобе ставился вопрос о его оправдании, он самостоятельной жалобы не подавал, был приговорен к лишению свободы условно.

Адвокат З. также пояснил, что в материалах уголовного дела не имелось сведений об отношении М. к поданной в его защиту апелляционной жалобе, что не позволяло быть однозначно уверенным в позиции подзащитного.

В судебном заседании 13 июня 2024 года был обсужден вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие неявившихся осужденного М. и автора апелляционной жалобы адвоката К. Позицию адвоката З. о невозможности выразить свое отношение к апелляционной жалобе без выяснения позиции М. суд апелляционной инстанции посчитал самоустраниением от защиты. При этом суд не воспользовался правом, предоставленным ему п. 2 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ, признать необходимым участие осужденного М. в судебном заседании, а принял решение отвести адвоката З. и назначить нового защитника.

Несмотря на то, что адвокат З. каких-либо самостоятельных действий по выяснению позиции М. в отношении апелляционной жалобы не предпринял, Совет исходит из того, что таких дисциплинарных обвинений заявителем не выдвигалось, осужденный М. с жалобой на адвоката З. также не обращался, а дисциплинарное разбирательство осуществляется в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении, изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается (п. 4 ст. 23, п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Переходя к оценке выдвинутого заявителем дисциплинарного обвинения, Совет соглашается с правовым обоснованием, приведенным Квалификационной комиссией.

Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 15 июля 2008 года № 456-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью четвертой статьи 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что «Сообщение суда (судьи) в адрес адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)».

В соответствии с ч. 7 ст. 49 УПК РФ, пп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого.

В п. 17 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденного VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 года, также указано, что адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты. Адвокат участвует в уголовном деле до полного исполнения принятых им на себя обязательств, за исключением случаев, предусмотренных законодательством и (или) разъяснениями Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденными Советом Федеральной палаты адвокатов.

Вместе с тем, пп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что адвокат не вправе занимать по делу позицию, противоположную позиции доверителя, и действовать вопреки его воле, за исключением случаев, когда адвокат-защитник убежден в наличии самоговора своего подзащитного. Аналогичные положения закреплены

Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (пп. 3 и 4 п. 4 ст. 6).

Установленные в результате дисциплинарного разбирательства и описанные выше фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что адвокат З., вопреки доводам заявителя, не отказывался поддержать апелляционную жалобу адвоката К. и не допустил самоустранения от защиты М., повлекшего нарушение права последнего на защиту и срыв рассмотрения указанного уголовного дела в суде апелляционной инстанции.

Несмотря на то, что защитник является самостоятельным субъектом уголовного судопроизводства и наделен значительным объемом процессуальных прав, его процессуальная самостоятельность имеет границы, поскольку он связан позицией доверителя и представляет его интересы. Самостоятельность защитника при выборе процессуальных средств и тактики осуществления защиты не исключает производного характера его деятельности. От воли доверителя зависят не только выбор защитника, но и реализация избранных им средств защиты. В установленных законом пределах защитник свободен в формах и методах осуществления защиты, но не вправе делать ничего, что могло бы даже в малейшей степени ухудшить положение подзащитного. Иначе право на юридическую помощь защитника утратит всякий смысл.

В сложившейся по уголовному делу ситуации суд апелляционной инстанции по своей инициативе устранил адвоката З. от дальнейшего участия в защите по назначению и отложил судебное заседание, но не для выяснения позиции М., а для замены адвоката З. и назначения другого защитника.

При таких обстоятельствах, достоверно установленных Квалификационной комиссией, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката З. непровергнутой и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет считает необходимым обратить внимание адвоката З. на то, что, ознакомившись с материалами дела, ему следовало, не дожидаясь начала судебного заседания, установить контакт с М. и в ходе конфиденциального общения обсудить с ним позицию защиты в суде апелляционной инстанции. Кроме того, адвокат З. был вправе заявить ходатайство об отложении судебного заседания для выяснения позиции М., однако он не сделал и этого.

Совет не может согласиться с позицией судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по вопросу оплаты труда защитника по назначению. Так, в обращении судебной коллегии указано, что ознакомление с материалами уголовного дела адвокатом З. и его участие в судебном заседании не могут быть признаны должным оказанием юридической помощи подзащитному, а дело было рассмотрено с участием другого адвоката. По этим причинам судом было отказано в удовлетворении

заявления адвоката З. об оплате выполненной им работы. Совет в этой связи отмечает, что суд, назначая защитника обвиняемому, выполняет публичную функцию по обеспечению права на защиту за счет государства, однако он не наделен правом ставить оплату труда защитника в зависимость от избранной им тактики защиты или других вопросов, принятие решения по которым осуществляется стороной защиты самостоятельно. Иной подход, в том числе примененный судом в рассматриваемой ситуации, может вызывать «замораживающий» эффект и препятствовать полноценной работе адвоката, порождая необоснованную зависимость от органов или должностных лиц, назначивших его защитником, что в итоге может привести к нарушению права обвиняемого на защиту, то есть препятствовать достижению целей уголовного судопроизводства.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката З. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по обращению судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 19 июня 2024 года № ...(вх. № ... от 08.07.2024), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков